

ТИИТ-РЕЙН ВИЙТСО (Таллин)

ПРОБЛЕМЫ КОЛИЧЕСТВА В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В эстонском языке соотношения количеств и связанных с ними явлений (длительности, интонации, перехода, интенсивности, ударения) настолько важны и сложны, что время от времени появляется необходимость приводить в соответствие факты и в связи с этим вносить поправки в соответствующие фонологические концепции.

1. Дистинктивные количества и фонетическая транскрипция. Фонетическая транскрипция эстонского языка до сих пор основывалась на предположении, что в эстонском языке в ударном слоге не бывает более трех дистинктивных количеств, точнее, в северо-восточных диалектах — два дистинктивных количества, в остальных, в том числе и в литературном языке, — три. Для обозначения этих трех количеств (Q1, Q2 и Q3) использовались семь диакритических знаков. Однако последние исследования в этой области показывают, что в речи части эстонцев из Q3 следует выделить четвертое количество — Q4 (Remmel 1975 : 17—23; Реммель 1975 : 15—21). До этого о четырех количествах писали Видеман (Wiedemann 1875 : 136—137) и Поливанов (1928 : 197—202).

Согласно Реммелю, в словах со структурой $C_0^1V_1^2C^1V^1$ (нижний индекс обозначает минимальное, верхний — максимальное или единственно допустимое число согласных (C) или гласных (V) в данной позиции) длительности монофтонгов в Q1—Q4 первого слога относятся как 1 : 1,3 : 1,5 : 1,7, а длительности дифтонгов в Q2—Q4 (дифтонги не встречаются в Q1) — как 1 : 1,2 : 1,5 (Remmel 1975 : 18, 22). Длительность сегмента гласного первого слога до пика основного тона, она же за пиком основного тона и длительность гласного второго слога у одной группы говорящих в Q1 относятся как 2/9 : 1/9 : 6/9, в Q2 — как 4/9 : 2/9 : 3/9, в Q3 — как 2/9 : 4/9 : 3/9 и в Q4 — как 1/9 : 5/9 : 3/9 (Реммель 1975 : 17), а у другой группы в Q1 — как 2/9 : 1/9 : 6/9, в Q2 — как 3/9 : 2/9 : 4/9, в Q3 — как 3/9 : 4/9 : 2/9 и в Q4 — как 2/9 : 5/9 : 2/9 (Lippus, Remmel 1976 : 57). Контур основного тона после пика в Q1—Q4 падающий, но в Q4 контур имеет еще дополнительную «шапку».

Вполне возможно, что разновидности характеристик Q1—Q4 в словах со структурой $C_0^1V_1^2C^1V^1$ не исчерпываются этими двумя группами. Кроме того, нет оснований надеяться, что характеристики Q1—Q4 остальных структур у всех говорящих совпадают; может быть, именно этим объяснима неоднозначность результатов эксперимента по восприимчивости словоформ в Q1—Q4, проводимого Ээком (Eek 1977).

Для различения Q3 и Q4 в фонетической транскрипции следует уточнить употребление некоторых диакритических знаков.

Во-первых, все интервокальные сочетания согласных, включая геминаты, в позиции после краткого гласного содержат в Q3 полудолгий



сегмент (напр. \dot{n} , \dot{t}), а в Q4 — долгий сегмент (напр. \bar{n} , \bar{t}), ср. *kañnu* : *kañnu* 'кувшин (п. ед. : ад.¹ ед.)', *sukka* : *sukka* 'чулок (п. ед. : ад. ед.)', *arve* 'число (п. мн.)' : *ārve* 'счет (г. ед.)', *kerisi* : *kerisi* 'кабак (п. ед. : ад. ед.)'.

Во-вторых, второй компонент дифтонга в Q3 полудолгий, а в Q4 долгий, ср. *laūda* : *laūda* 'стол (п. ед. : ад. ед.)', *laūta* : *laūta* 'хлеб (п. ед. : ад. ед.)'. Следует подчеркнуть, что данная модификация традиционной транскрипции, как и сама транскрипция, условна и, следовательно, возможно, не вполне реальна фонетически: согласно измерениям Лехисте, проведенным в рамках гипотезы о наличии трех дистинктивных количеств, дифтонги в Q2 и Q3 различаются не только по длительности второго компонента, но и по длительности обоих компонентов (Lehiste 1967).

В-третьих, монофтонги в Q3 полуторадолгие (напр. \check{a} , \check{u}), а в Q4 — сверхдолгие (напр. \hat{a} , \hat{u}), ср. *pūri* : *pūri* 'клетка (п. ед. : ад. ед.)'.

Q3 и Q4 у части говорящих участвуют и четко различаются в характерном для эстонского языка т. н. квантитативном чередовании ступеней, которое в современном языке морфологически обусловлено (см. Viitso 1976 : 149—150), причем в зависимости от структуры основы морфологическая форма является либо только необходимым либо достаточным условием чередования. (Кроме того, в эстонском языке наличествует в общем уже нерегулярное чередование смычных с несмычными или нулем). Так, в случае двусложных чередующихся именных основ в паритиве, номинативе, генитиве и адитиве (т. н. кратком иллативе) ед. ч. встречаются следующие закономерности (в скобках приведены ненормативные падежные формы; падежные окончания отделены от основы):

н. ед.	п. ед.	г. ед.	ад. ед.	н. ед.	п. ед.	г. ед.	ад. ед.	Перевод			
Q1	Q1	Q1	Q4	<i>külà</i>	<i>külà</i>	<i>külà</i>	<i>kū̄la</i>	село			
Q3	Q3	Q1	Q4	<i>aèg</i>	<i>aèga</i>	<i>ajà</i>	<i>aèga</i>	время			
Q3	Q3	Q2	Q4	<i>sur̄m</i>	<i>sur̄ma</i>	<i>sūrma</i>	<i>sūrma</i>	смерть			
Q3	Q3	(Q4)	Q4	<i>pīlv</i>	<i>pīlve</i>	(<i>pīlve</i>)	<i>pīlve</i>	облако			
Q1	Q1	Q4	(Q4)	{ <i>palè</i> <i>varàz</i> <i>sēme</i> }	{ <i>pale t̄</i> <i>varas t̄</i> <i>sēme t̄</i> }	{ <i>pālge</i> <i>vārga</i> <i>sēmne</i> }	{ (<i>pālge</i>) — — }	щeka			
											вор
Q2	Q2	Q4	—	{ <i>laīne</i> <i>kīr̄vez</i> <i>kū̄nal</i> }	{ <i>laīne t̄</i> <i>kīr̄ves t̄</i> <i>kū̄nal t̄</i> }	{ <i>laīne</i> <i>kīr̄ve</i> <i>kū̄nla</i> }	{ — — — }	волна			
											топор
Q3	Q4	Q4	(Q4)	<i>kõrem</i>	<i>kõrma t̄</i>	<i>kõrma</i>	(<i>kõrma</i>)	воз			

2. Фонологизация дистинктивных количеств. При фонологизации дистинктивных количеств наибольшие трудности возникают в связи с согласными после гласных первого слога, поэтому сначала рассматриваются одиночные и геминатные согласные в этой позиции, затем монофтонги и дифтонги первого слога и сочетания согласных.

2.1. Одиночные и геминатные согласные. Здесь целесообразно рассматривать серии 1^о—3^о со смычными, фрикативными и сонорантами в дву- и односложных словах. При этом следует отметить, что в речи разных говорящих эти серии включают различное число структурных типов слов, причем и сами типы не совсем тождественны. Так как эти

¹ Автор статьи придерживается концепции морфологии эстонского языка, представленной в Viitso 1976.

различия требуют еще и инструментального изучения, здесь анализируется одно возможное состояние (см. табл. 1) и лишь при необходимости упоминаются другие. В табл. 1 нижний индекс перед словом указывает на Q₁—Q₄, верхний индекс после слова — на перевод.

Из серий 1°—3° видно, что особенно сложна фонологизация смычных: в отличие от свистящих и сонорантов в позиции после длинного (т. е. долгого, «полуторадолгого» и сверхдолгого) гласного в конце (односложного) слова противопоставляются слабый и сильный смычные, ср. *māo* : *māk*, а перед гласным второго слога — одиночный смычный и гемината, ср. *māci* : *mākki*, *māci* : *mākki*, *māci* : *mākki*. В речи многих говорящих наблюдается упрощение геминат в позиции после длинного монофтонга, напр. *māki* и *māke* вместо *mākki* и *mākke* и даже *māki* и *māki* вместо *mākki* и *mākki*. Свистящие и сонорантные геминаты в тех же позициях возможны только на морфемной границе, а слабый (краткий) и сильный (длинный) соноранты в конце слова вообще никогда не противопоставляются (слабый и сильный свистящие противопоставляются в конце слова в позиции после дифтонга или соноранта). Следовательно, смычные и соноранты должны различаться коренным образом.

Если считать, что каждый монофтонг, одиночный согласный и гемината репрезентируют отдельную фонему, то общее число фонем окажется огромным, а Q₁—Q₄ — обусловленными наличием или отсутствием определенных фонем; кроме того, возникнут непреодолимые трудности при отождествлении фонем в сериях 1°—3° с фонемами в дифтонгах и сочетаниях согласных. Аналогичным образом различие структурных типов слов в сериях 1°—3° не объяснимо с помощью только какого-то множества «фонологических» длительностей или какого-то множества тонов. Положение не меняется, если считать, что геминаты, возникающие в результате присоединения к слову суффиксов *-gi* ~ *-ki*, *-se*, *-ne* и *-lane*, ср. *mākki*, *māoki*, *mākki*, *ēzse*, *sinne*, репрезентируют фонологические геминаты; это в общем вполне оправдано, тем более что в словах с суффиксом *-ki* встречаются настоящие геминаты, т. е. *-ki* начинается имплозией, а предшествующий смычный оканчивается эксплозией (см. Ariste 1953 : 95). Явно необходимо сначала найти интерпретацию для Q₁—Q₄ и лишь затем для каждого структурного типа слов отдельно.

2.1.1. Так как Q₁ и Q₂ не встречаются в односложных словах и Q₁ фактически означает краткий ударный слог (т. е. оканчивающийся на один краткий гласный), а Q₂ — длинный ударный слог, то можно заключить, что наряду с разной длиной ударных слогов Q₁ и Q₂ отражают одно и то же, отличное от Q₃ и Q₄, явление. Следовательно, Q₁—Q₄ можно интерпретировать как три акцента: слабый /' (Q₁—Q₂), сильный /' (Q₃) и сверхсильный /^/ (Q₄).

Геминаты, стоящие в двусложных словах после кратких гласных, по-видимому, репрезентируют сочетания двух одинаковых фонем, так как, напр., *vinà* и *viinna*, согласно представленной интерпретации Q₁ и Q₂, должны различаться по длине первого слога, вполне естественно, что тогда они интерпретируются как /v'ina/ и /v'inna/. Более того, геминаты и воспринимаются как сочетания двух согласных. Основа такого восприятия не ясна, за исключением т. н. настоящих геминат, которые образуются из двух одинаковых согласных конца основы и начала суффикса. Возможно, что благодаря достаточной для распознавания длительности звука как разные воспринимаются процесс принятия артикуляторной целевой позиции и последующее расслабление артикуляции.

А может быть, определяющую роль играет различие между переходами от гласного к согласному и от согласного к гласному. (Ээк предлагает еще более обширный набор возможных параметров, ср. Eek, Piirmets, Ristmets 1976 : 21). Пока акустические данные, подтверждающие такую возможность, отсутствуют, тем более что фонетики искали не их, а доказательство известной гипотезы о реартикуляции (двойной артикуляции геминат), которое, между прочим, позволило бы и реально определить слоговую границу в геминатах (ср. Lehiste, Morton, Tatham 1973; Eek, Piirmets, Ristmets 1976; причем в последней работе эта гипотеза опровергается).

2.1.2. Так как геминаты, стоящие в двусложных словах после кратких гласных, репрезентируют две одинаковые фонемы, напр.,

/m'akki : m'akki : m'akki/, ср. 1°,

/p'ässu : p'ässu : p'ässu/, ср. 2°,

/v'inna : v'inna : v'inna/, ср. 3°,

встает вопрос, как интерпретировать конечные согласные в односложных морфологических формах *māk̄*, *päs̄*, *viñ̄* тех же основ, а также во всех остальных подобных случаях. В принципе возможны две интерпретации, имеющие свои, в корне различные следствия.

2.1.2.1. Первая интерпретация исходит непосредственно из форм типа */m'akki/*, */p'ässu/*, */v'inna/*. Если они содержат сочетания двух одинаковых фонем, вполне естественно предположить такие же сочетания в односложных формах тех же морфологических парадигм, тем более что они тоже имеют сильный акцент или Q3, т. е. */m'akk/*, */p'äss/*, */v'inn/*. Кроме того, логично применить такой подход ко всем остальным случаям такой же структуры, напр. *keš̄* 'кто', *miš̄* 'что', *kús̄* 'где', в парадигмах которых нет соответствующих межвокальных геминат.

Если межвокальная гемината и конечный длинный согласный в позиции после краткого гласного репрезентируют сочетания двух одинаковых согласных, то такие же сочетания встречаются после длинного гласного, т. е. *kk* в *māk̄ki* и *māk̄ke*, *kk* в *māk̄ki* и *māk̄ki* и *k̄* в *māk̄* репрезентируют сочетание */kk/*. Если же в *māk̄* репрезентируется */kk/*, то можно считать, что в *mās̄* репрезентируется одиночная согласная */k/* и вообще в серии 1°, за исключением *māk̄ki*, *mās̄ki*, *māk̄ki* и *māv̄*, содержится либо одиночная смычная */k/* = *g*, либо сочетание */kk/*. В *māk̄ki*, *mās̄ki* и *māk̄ki* налицо морфологическая юнктура */-/*, напр. */m'akk-ki/*.

Эта интерпретация явно не применима к случаям с упрощением геминат в позиции после длинного монофтонга, ср. *māk̄i* и *māke* вместо *māk̄ki* и *māk̄ke*.

2.1.2.2. Вторая интерпретация исходит из обстоятельства, что в таких словах, как *māk̄*, *māk̄k̄*, *päs̄*, *viñ̄*, конечные длинные согласные воспринимаются не как сочетания двух согласных, а как одиночные. Так как ударное односложное слово всегда в позиции после краткого гласного имеет длинный, точнее полуторадолгий согласный, то нет причин толковать конечные длинные согласные как сочетания и на «более абстрактном уровне». Если считать, что конечные смычные в *māk̄* и *māk̄k̄* репрезентируют фонему */k/*, то в виду таких противопоставлений, как *māk̄k̄* и *mās̄g* в эстонском языке наличествуют две серии смычных (и вообще обструентов) — сильные и слабые.

Если же в эстонском языке действительно две серии обструентов — /p t t̥ k s š/ и /b d (d') g z ž/, то нужно выяснить, следует ли рассматривать все удвоенные обструенты, отмеченные традиционной фонетической транскрипцией, репрезентирующими фонемные геминаты. Вообще, известны два достаточных условия² интерпретации псевдогеминат как фонемных геминат. Во-первых, достаточно, если псевдогемината прямо противопоставляется соответствующей одиночной фонеме (как в случае /v'ina/:/v'inna/, ср. 2.1.1). Во-вторых, достаточно, если длина, создаваемая конечной согласной слога, в том числе геминатой, либо закрытость слога служат необходимым условием возникновения какого-нибудь (синхронного) фонологического процесса (таким процессом когда-то было прибалтийско-финское ослабление одиночных и частично также геминированных смычных на стыке ударного и безударного закрытого слогов, напр. *katottan 'потеряю' > *kañottan, ср. эст. kaõttan ~ kaõlan, фин. kadotan) либо наличия какой-нибудь фонологической единицы (такowymi являются сильный и сверхсильный акценты, встречающиеся только в длинном слоге, ср. 2.1.1). Однако обструентные псевдогеминаты в позиции после длинного гласного, а также после дифтонга или соноранта и после гласного или сочетания гласный + сонорант безударного слога противопоставляются не соответствующей сильной фонеме, а слабой. Псевдогеминаты в позиции после гласного безударного слога больше не вызывают ослабления одиночных и геминатных смычных, так как оно теперь представляет собой морфологически обусловленный нерегулярный процесс. В позиции после длинного гласного, дифтонга или соноранта ударного слога псевдогемината никакого влияния не имеет, так как длина слога полностью определена без нее. Следовательно, в этих позициях нет необходимости интерпретировать псевдогеминаты как сочетания одинаковых фонем (что, конечно, не значит, что такая интерпретация вообще не имеет места). Реальность интерпретации псевдогеминат как одиночных фонем доказывает произношение *māki* и *māke*; для упрощения псевдогеминат сначала их следует интерпретировать как одиночные. С другой стороны, интерпретация псевдогеминат как одиночных фонем, вводимая или поддерживаемая эстонской орфографией, не обязательно ведет к упрощению их. Говорящий усваивает свои модели произношения в детстве, подражая речи взрослых и ровесников, причем дистинктивные количества усваиваются еще до усвоения фонемной системы (Oksaar 1970), т. е. до сложения окончательной интерпретации тех же моделей. Использование всех возможностей, которые допускает интерпретация, явно привело бы к перестройке первичных навыков речи и к слишком кардинальному нарушению существующих моделей. Что касается произношения типа *māki* и *māke*, то здесь, возможно, проявляется влияние морфемной границы: в *māke* *-ke* — уменьшительный суффикс, а большинство слов типа *māki* — формы 2 л. мн. ч. глагола, напр. *sāte* 'получаете', *tēte* 'делаете', где *-te*₂ — окончание.

2.1.2.3. Возможность двух фонологизаций конечных длинных согласных ставит вопрос об их исторической первичности (вторичности).

Как известно, для праприбалтийско-финского языка геминаты реконструируются только в позиции перед гласной, где они противопоставляются соответствующим одиночным фонемам. В конце слова встречались согласные *t, *k, *s, *š (> *h; о возможностях объяснения

² Необходимость и достаточность условий понимаются здесь в их математическом смысле.

Таблица 2

4°	2_1 laiu ¹	2_1 raiikka ²	3_1 laiuki ³	3_1 laiu ⁴	3_1 laiu ⁵	3_1 laiu ⁶	3_1 laiu ⁷	3_1 laiu ⁸
	3_1 laiu ⁴		4_1 laiuke ¹⁰	3_1 laiukki ⁵	4_1 laiuku ¹¹	3_1 laiukki ⁶	4_1 lau ¹²	
5°	2_1 kai ¹ ~ 2_1 kai ¹³	2_1 kai ¹⁴	2_1 kai ¹⁵	3_1 kai ¹⁶	3_1 kai ¹⁷	3_1 kai ¹⁸		
	3_1 kai ¹ ~ 3_1 kai ¹³		4_1 kai ¹⁵	4_1 kai ¹⁶	4_1 kai ¹⁷	4_1 kai ¹⁸		
6°	2_1 laiu ²²							
	3_1 laiu ²³							
	4_1 laiu ²⁵							

Переводы: ¹пробор (г. ед.), ²Паука (кличка собаки), ³даже веко, ⁴веко (п. ед.), ⁵пробор (п. ед.), ⁶даже пробор, ⁷веко, ⁸пробор, ⁹веко (ад. ед.), ¹⁰веко (лемнугтив), ¹¹пробор (ад. ед.), ¹²веко (н. мн.), ¹³миска (г. ед.), ¹⁴Гаусс (г. ед.), ¹⁵пауза (п. ед.), ¹⁶миска (п. ед.), Гаусс (п. ед.), ¹⁷пауза, ¹⁸миска, ¹⁹пауза (ад. ед.), ²⁰миска (ад. ед.), Гаусс (ад. ед.), ²¹веко (ин. ед.), ²²песня (г. ед.), ²³песня (п. ед.), ²⁴песня, ²⁵песня (ад. ед.), ²⁶веко (адессив ед.).

этого общеприбалтийско-финского перехода см. Viitso 1978 : 101), *n, *m > *n и, вероятно, также *l и *r, причем *t и *k при чередовании ступеней вели себя как одиночные смычные. Противопоставление слабых и сильных смычных в конце слова в эстонском языке появилось после отпадения конечных гласных, которого не произошло только во втором слоге, если первый был кратким, и, естественно, в односложных словах. Затем, в результате отпадения конечных *k и *h, частично также *t и *n конечные открытые слоги опять появились в двусложных словах с длинным первым слогом и в трехсложных и более длинных словах.

Таким образом, интерпретация, согласно которой в случае интервокального противопоставления одиночных фонем и сочетаний двух одинаковых фонем последнее распространяется на все соответствующие парадигмы и остальные аналогичные случаи, по сути тождественна праприбалтийско-финской интерпретации. Вторая интерпретация акцептирует существование сочетаний двух одинаковых фонем в позиции после краткого гласного, но при определении согласных фонем исходит из противопоставлений в конце слова, т. е. только из современного состояния. И хотя современное состояние не отрицает первой интерпретации, в пользу второй в значительной мере говорит, вероятно, и то обстоятельство, что конечный длинный согласный часто встречается в формах номинатива единственного числа.

2.2. Монофтонги и дифтонги. Кроме серии 1°—3° с монофтонгами в первом слоге, здесь достаточно рассмотреть еще серии 4°—6° с дифтонгами в первом слоге, см. табл. 2.

Нетрудно заметить, что дифтонги и длинные монофтонги в сериях 1° и 4°, 2° и 5°, 3° и 6° ведут себя одинаково.

При фонологизации дифтонгов следует учитывать, во-первых, что литературная норма, не считая интернационализмов, содержит 26 дифтонгов, ср. табл. 3, где для каждого дифтонга указана встречаемость в Q2—Q4. Во-вторых, дифтонги нередко образуются в результате морфофонологических процессов, ср. [tē; teid 'дорога (н. ед. : п. мн.)', mā : maid 'земля, страна (н. ед. : п. мн.)', keṛge : keṛgeid 'легкий (н. ед. : п. мн.)', sān : saïn 'получаю : я получал', sõn : seïn 'я ем : я ел'. Следовательно, дифтонги являются не самостоятельными фонемами, а сочетаниями гласных фонем.

Интересно отметить, что дифтонги эстонского языка не укладываются в известное «универсальное» определение Хомского и Халле, согласно которому второй компонент дифтонга приобретает признак [—вокальность], причем высокие гласные переходят в высокие глайды [w] или [y] ([y] равно как j в нашей транскрипции), а невысокие — в невысокие глайды, обозначаемые [h] (Chomsky, Halle 1968 : 354). Хотя глайд [h] Хомского и Халле явно заимствован из тех фонологизаций английского языка, согласно которым невысокие длинные гласные репрезентируют сочетания типа /Vh/, и легко опровергается наличием в разных языках сочетаний типа VhC с ларингальной /h/, данные эстонского языка интересны тем, что при принципиальной акцептации теории Хомского и Халле они настаивают на существовании трех невысоких

Таблица 3

	i	e	a	u	o
i	×			2—4	
e	2—4	×	2—4		3,4
ä	2—4	2—4		2—4	3
ü	2,3				
ö	2—4	2,3	3		
e	2—4	2—4	3	2—4	3,4
a	2—4	2—4	×	2—4	3,4
u	2—4			×	
o	2—4	2—4	3	2,3	×

глайдов *e*, *a* и *o*. Тогда, однако, оказывается, что язык, точнее — фонологическая система эстонского языка чрезвычайно неэкономна, так как разбивает фонетически довольно близкие единицы на два фонемных класса только затем, чтобы избежать сочетания двух гласных фонем в одном слоге. Не спасают теорию и попытки анализировать конечные компоненты эстонских дифтонгов *e* и *o* как высокие глайды. Хаммарберг (Hammarberg 1976 : 261—262) предложил определить *e* как задний негубной глайд /j/ и *o* как задний глайд с губным растяжением (дифтонги на *u*, по Хаммарбергу, оканчиваются на задний глайд со сближением губ) — спасение в целом идеи Хомского и Халле не исключает предъявленного ему обвинения языку в неэкономности. Фактически же эта неэкономность прямо следует из определения Хомского и Халле, причем замысел самого определения заключается в наличии в каждом слоге только одной фонемы с дистинктивными признаками

$$\left[\begin{array}{l} + \text{ вокальность} \\ - \text{ консонантность} \end{array} \right].$$

Имея в последовательности фонем единицы с такой характеристикой, легко определить ядра слогов. С другой стороны, усилия Хомского и Халле (и Хаммарберга) излишни. Давно известно, что ядром слога бывают в зависимости от языка и конкретной позиции в слове не только гласные, но и соноранты (напр. *l* в чеш. *vlk* 'волк') и даже фрикативные и аффрикаты (напр. *s* и *c'* в словах языка беллакула (Bella Coola): *t's* 'быть соленым; солить' и *c'ktsk'w'c'* 'придти (в прошлом к чему-то или кому-то)'). Макколи (McCawley 1966) предложил заменить якобсоновский признак [вокальность] признаком [силлабичность], что позволит определить фонемные классы более естественным образом; это предложение нашло широкое применение. Но так как [силлабичность], по Макколи, является фонемным признаком, в применении к дифтонгам эстонского языка она либо опять-таки удваивает число фонем либо приписывается всем потенциально силлабичным фонемам (см. напр. Hint 1974 : 60—61), в результате чего исключается возможность самого разумного различения таких противопоставлений, как напр. *re.ä* 'ряд (г. ед.)' : *pe.ä* 'голова (н. ед.)' в диалектах Северной Вирумаа. По-видимому, силлабичность отнюдь не фонемный признак, а средство фонотактического членения фонемных последовательностей. Силлабичные единицы легко перечислимы, это существенно для присваивания им ударений; что касается слогораздела, то определение его в длинных согласных или сочетаниях согласных, как правило, не универсальная формальная процедура, а в зависимости от конкретного языка обусловлено фонологической интерпретацией или вообще не имеет лингвистического значения.

Главная проблема заключается в том, как интерпретировать длинные монофтонги. Так как они аналогичны дифтонгам, возникает вопрос, репрезентируют ли они сочетания двух одинаковых гласных. Двумя гласными буквами они, между прочим, обозначаются в орфографии эстонского языка. Эта интерпретация начиная с Хармса (Harms 1962) получила наибольшее распространение в фонологии эстонского языка, кроме того, аналогичная интерпретация господствует в фонологии финского языка. С другой стороны, нет ни объективных ни субъективных показаний в пользу этой интерпретации. Правда, по аналогии с такими случаями, как *tä.ä* 'гора (н. ед.)' : *tä.ä* (п. ед.) : *tä.ä* (г. ед.) и даже *va.ä* 'борозда (н. п. ед.)' : *va.ä* (г. ед.), можно предположить, что и в таких случаях, как *si.ä* 'род (н. п. ед.)' : *s.ä* (г. ед.), длинный гласный возник из двух гласных. Однако примеры типа *je.ä* 'сила (н. ед.)' :

jeïdi (п. ед.) : *jeï* (г. ед.) и *rõg* 'тростник (н. ед.)' : *rõgu* (п. ед.) : *rõ* (г. ед.), несмотря на свое происхождение (ср. **jeuŋo* | *n* » **jeuwo* » » **jeu.u* > *jeï*, **rõkon* » **rõ.o* > **ro.o* > *rõ*), и все слова с первичным длинным гласным заставляют рассматривать анализируемые случаи как исключения, точнее реликты. Поэтому представляется более целесообразным считать длинные монофтонги репрезентирующими длинные гласные фонемы; см. еще обоснование аналогичного результата в Karplinski 1968 : 41.

2.3. Сочетания согласных. Здесь достаточно рассмотреть сочетания двух согласных. Кроме явных сочетаний двух согласных, принимаются во внимание сочетания геминат с одиночными согласными, так как, по 2.1.2, геминаты могут репрезентировать и одиночные фонемы. Учитываются также сочетания согласного и *gk*, хотя *gk* репрезентирует сочетание смычных на морфемной границе; это необходимо, когда «обычные» геминаты репрезентируют фонемные.

Так как *v* и *j* в качестве конечного компонента ведут себя как соноранты, рассматриваются восемь серий сочетаний согласных 7°—14° (см. табл. 4—6),

Таблица 4

7°		₂ <i>kaïku</i> ¹	₃ <i>kaïku</i> ²	₄ <i>kaïku</i> ³	₃ <i>kaïkki</i> ⁴	₃ <i>kaïk</i> ⁵
	₃ <i>kãdku</i> ⁶		₃ <i>sãïku</i> ⁷			
8°		₂ <i>oïsa</i> ⁸	₃ <i>oïsa</i> ⁹	₄ <i>oïsa</i> ¹⁰		₃ <i>oïs</i> ¹¹
		₂ <i>rõïsu</i> ¹²				
	₃ <i>kãdsin</i> ¹³		₃ <i>rõïsu</i> ¹⁴			₃ <i>rõïs</i> ¹⁵
	₄ <i>sõdsa</i> ¹⁶		₄ <i>rõïsu</i> ¹⁷			
9°	₂ <i>adra</i> ¹⁸	₂ <i>nitro</i> ¹⁹	₃ <i>aïra</i> ²⁰	₄ <i>aïra</i> ²¹		
	₃ <i>kãdma</i> ²²		₃ <i>sãïma</i> ²³			
	₄ <i>ãdri</i> ²⁴		₄ <i>kãïri</i> ²⁵			

Переводы: ¹чума (г. ед.), ²чума (п. ед.), ³чума (ад. ед.); пусть покрывает, ⁴даже чума, ⁵чума, ⁶пусть роняет, ⁷пусть посылает, ⁸конец (г. ед.), ⁹конец (п. ед.), ¹⁰конец (ад. ед.), ¹¹конец, ¹²черешок (г. ед.), ¹³я уронил, ¹⁴черешок (п. ед.), ¹⁵черешок, ¹⁶благоприятный (г. ед.), ¹⁷черешок (ад. ед.), ¹⁸плуг (г. ед.), ¹⁹нитро-, ²⁰плуг (п. ед.), ²¹плуг (ад. ед.), ²²уронить (супин), ²³посылать (супин), ²⁴кровеносный сосуд (г. ед.), ²⁵катер (г. ед.).

Таблица 5

10°		₂ <i>troška</i> ¹	₃ <i>koške</i> ²	₄ <i>koške</i> ³		₃ <i>koškki</i> ⁴	₃ <i>košk</i> ⁵
	₃ <i>rõzki</i>	~ ₃ <i>rõški</i> ⁶	₃ <i>rõška</i> ⁷		₃ <i>rõškki</i> ⁸		₃ <i>rõšk</i> ⁹
			₄ <i>rõška</i> ¹⁰				
11°	₂ <i>kãzna</i>	~ ₂ <i>kãšna</i> ¹¹	₃ <i>kãšna</i> ¹²	₄ <i>kãšna</i> ¹³			₃ <i>kãšn</i> ¹⁴
	₃ <i>pãzma</i>	~ ₃ <i>pãšma</i> ¹⁵					
	₄ <i>pãznu</i>	~ ₄ <i>pãšnu</i> ¹⁶					

Переводы: ¹дрожки, ²водопад (п. ед.), ³водопад (ад. ед.), ⁴даже водопад, ⁵водопад, ⁶даже роза, ⁷хлыст, розга (п. ед.), ⁸даже хлыст, ⁹хлыст, ¹⁰хлыст (ад. ед.), ¹¹губка (г. ед.), ¹²губка (п. ед.), ¹³губка (ад. ед.), ¹⁴губка, ¹⁵спасаться, ¹⁶спасавшийся.

Таблица 6

12°	² koõdi ¹	² põrdi ⁶	³ koõdi ²	⁴ koõdi ⁸	³ õrõdi ⁴	³ õrõdi ⁵
		³ põrdi ⁷			³ õrõkti ⁴	
		⁴ põrdi ¹⁰			³ õrõkti ⁸	³ õrõgi ⁹
	² koõtti ¹¹	² kõrõtte ¹⁶	³ soõtti ¹²	⁴ soõtti ¹³	³ koõkti ¹⁴	³ koõki ¹⁵
		³ põrtti ¹⁷				
		⁴ põrtti ¹⁹				³ põrti ¹⁸
13°	² vaõza ~ ² vaõsa ²⁰	³ vaõzi ~ ³ vaõsi ²¹	⁴ põrza ~ ⁴ põrsa ²²			³ vaõz ~ ³ vaõs ²³
		⁴ põrze ~ ⁴ põrse ²⁴				³ vaõs ²⁷
						³ vaõn ³¹
14°	² vaõna ²⁸	³ vaõssa ²⁵	⁴ vaõssa ²⁶			
		³ vaõrna ²⁹	⁴ vaõrna ³⁰			
		⁴ kõrna ³²				

Переводы: ¹орда (г. ед.), ²орда (п. ед.), ³орда (ад. ед.), ⁴даже долина, ⁵долина, ⁶борг судна (г. ед.), ⁷борг судна (п. ед.), ⁸даже столбец, ⁹столбец, ¹⁰борг судна (ад. ед.), ¹¹Корт (фамилия: Cort, г. ед.), ¹²сорт (п. ед.), ¹³сорт (ад. ед.), ¹⁴даже пробка, ¹⁵пробка, ¹⁶кора (г. мн.), ¹⁷борг (ик) (п. ед.), ¹⁸борг (ик), ¹⁹борг (ик) (ад. ед.), ²⁰жеребенок (г. ед.), ²¹стебель (п. мн.), ²²пороенок (г. ед.), ²³стебель (г. ед.), ²⁵жеребенок (п. ед.), ²⁶жеребенок (ад. ед.), ²⁷жеребенок (ад. ед.), ²⁸вешалка (п. ед.), ²⁹вешалка (г. ед.), ³⁰вешалка (ад. ед.), ³¹вешалка, ³²ворон (г. ед.).

представляющих сложнейшие случаи сочетания смычных, фрикативных и сонорантов между собой и одних с другими. Серии упорядочены по схеме:

Первый компонент	Конечный компонент		
	смычный	фрикативный	сонорант
смычный	7°	8°	9°
фрикативный	10°		11°
сонорант	12°	13°	14°

Ниже отдельно рассматриваются смычные, фрикативные и соноранты в сериях 7°—14°.

2.3.1. Серия 12° не отражает произношений *põrti*, *põrti*, *põrti* с *t̃* вместо *tt*. Кроме того, следует заметить, что в ряде североэстонских диалектов в серии 9° сочетание сильного смычного с сонорантом бывает только в Q4, напр. *tüütar* : *tütre* 'дочь (н. ед.: г. ед.)', так как вместо таких форм, как *aver* : *avra* : *aïra* : *aïra* 'плуг (н. ед. : г. ед. : п. ед. : ад. ед.)', встречается единственная форма *avra*, которая ожидается и исторически, если в то время, когда произошла апокопа, с сочетания типа *dr* начинался слог.

2.3.1.1. Интерпретация смычных в 2.1.2.1 дает три возможных решения начальных смычных компонентов.

А. *d* репрезентирует фонему */t/*, а *t̃*, *t̂*, *t̄* — сочетание */tt/*. Тогда редкие сочетания *d* (а также *v* и *ç*) со смычным или свистящим, встречающиеся на морфемной границе, оказываются более простыми, немаркированными, а самые обычные сочетания — более сложными, маркированными. Это решение применили Вийтсо (Viitso 1962) и Хинт (Hint 1965, 1966).

Б. В сериях 7° и 8° любые начальные компоненты репрезентируют одиночные фонемы, причем *d* репрезентирует смычную перед морфемной юнктурой */-/*, напр. */k'āt-ku/*. В серии 9° *d* репрезентирует одиночную */t/*, а *t̃*, *t̂*, *t̄* — сочетание */tt/*. При этом решении имеет место чередование геминаты с одиночной смычной фонемой, причем гемината встречается интервокально и перед сонорантом, а одиночная смычная — перед обструентом, ср. */k'atta/* 'покрывать (инф.)', */k'attan/* 'покрываю', */k'attma/* 'покрывать (супин)', */k'atsin/* 'я покрывал', */k'atku/* 'пусть покрывает'. Можно даже допустить, что на основе подобного решения современные североэстонские формы типа *käisin* и *käiku* получились в результате опускания морфемной юнктуры */-/*. И наоборот: переход от *käisin* и *käiku* к как будто более корректным *kādsin* и *kāvku* — что проповедуется некоторыми орфологами — по интерпретации в 2.1.2.1 наилучшим образом представим на основе этого решения. Его применили Хармс (Harms 1962) и Таули (Tauli 1966), причем Хармс, по видимому, не обратил внимания на слабые смычные в позиции между длинными гласными или дифтонгами и обструентами, а Таули исходил из нормального североэстонского произношения, где в этой позиции нет слабых смычных.

В. В сериях 7°—9° любые начальные смычные компоненты репрезентируют одиночные фонемы, причем *d* в сериях 7° и 8° и в серии 9° в позиции после длинного гласного обусловлен морфологической юнктурой */-/*, а в серии 9° в позиции после краткого гласного — предшествующей слоговой границей */, /*. Слоговую границу так или иначе следует отметить для различения последовательностей силлабических гласных и дифтонгов, ср. напр. *ava,uz* 'отверстие' и *aüz* 'честный' и встречающиеся по крайней мере в диалектах Северной Вирумаа архаич-

ные противопоставления типа *seà* 'свинья (г. ед.)' : *seà* 'устанавливай! устраивай!', *reà* 'ряд (г. ед.)' : *reà* 'голова (н. ед.)'. При этом решении имеет место позиционно обусловленное чередование геминаты с одиночной фонемой, причем гемината встречается интервокально, а одиночная смычная — перед согласной, ср. */k'atta/* 'покрывать (инф.)', */k'attan/* 'покрываю' : */k'atma/* 'покрывать (супин)', */k'atsin/* 'я покрывал', */k'atku/* 'пусть покрывает'; */s'atta/* 'посылать (инф.)' : */s'atma/* 'посылать (супин)', */s'ätsin/* 'я посылал', */s'ätku/* 'пусть посылает'. Такое решение применил Халлап (Hallap 1963). В его транскрипции, правда, противопоставления слабых и сильных согласных после длинных гласных и дифтонгов решается с помощью не морфологической юнктуры, а «бродящего» акцента, ср. */kaätsin/* : */saätsin/*. Но тогда // перестает быть слоговым акцентом и превращается в преобразователь аллофонов.

Фонологизация конечных смычных компонентов сочетаний согласных, ср. серии 7°, 11°, 13°, соответственно интерпретации в 2.1.2.1, не представляет особых трудностей. Слабый смычный в позиции после соноранта и одиночный сильный смычный после одиночного смычного или фрикативного репрезентируют одиночную смычную фонему. Конечный полудолгий сильный смычный в позиции после соноранта в конце слова или перед суффиксом *-ki* репрезентирует сочетание двух одинаковых фонем, напр. *kořk* = */k'orkk/*, *põrt* = */p'õrtt/* и *kořkki* = */k'orkk-ki/*, *põrtki* = */p'õrtt-ki/*. Вообще, модели с суффиксом считаются обусловленными морфемной юнктурой */-/*, напр. *kačkki* = */k'atk-ki/*, *ořki* = */o'rk-ki/*, *võrki* = */v'õrk-ki/*. Псевдогемината в позиции после соноранта репрезентирует сочетание двух одинаковых фонем.

До сих пор в фонологии эстонского языка подобные формы с суффиксом *-ki* не учитывались.

2.3.1.2. Фонологизация смычных в соответствии с интерпретацией в 2.1.2.2 не представляет затруднений.

Слабые смычные везде репрезентируют слабые смычные фонемы. Любые сильные смычные в качестве первого компонента сочетания согласных репрезентируют одну сильную смычную фонему. Одиночные сильные смычные (в позиции после смычного или фрикативного и в позиции после соноранта в конце слога) и псевдогеминаты в позиции после соноранта (12°) репрезентируют сильную смычную фонему. Только в случае суффикса *ki* возможно сочетание */kk/* после согласной фонемы; суффикс *ki* в этой позиции всегда имеет фонологическую форму */ki/*.

При такой интерпретации после краткой гласной имеет место позиционно обусловленное чередование геминаты с одиночной сильной смычной, причем гемината встречается интервокально, а одиночная смычная — перед согласной, ср. */k'atta/* 'покрывать (инф.)', */k'attan/* 'покрываю' : */k'atma/* 'покрывать (супин)', */k'atku/* 'пусть покрывает' и */t'ütta/* 'дочь (н. ед.)' : */t'ütre/* 'дочь (г. ед.)'. Эта фонологизация применялась в Viitso 1963 и Kaplinski 1968.

2.3.2. При фонологизации фрикативных, точнее, свистящих, следует учитывать, что *z* встречается в одних диалектах, а *s* или *š* вместо него — в других. Фонологизацию усложняет то, что в диалектах без *z* противопоставлениям типа *rõzki* : *rõški* 'хлыст (п. мн.)', *paüzki* 'даже пауза' : *kaüşki* 'даже миска' соответствуют аналогичные противопоставления с *s*, ср. *rõški* : *rõški*, *paüski* : *kaüşki*; следовательно, *z* как таковой, т. е. как слабый согласный, не имеет принципиального значения.

2.3.2.1. Фонологизация свистящих компонентов сочетаний согласных, по интерпретации в 2.1.2.1, как и фонологизация смычных компонентов, см. 2.3.1.1, имеет более одного решения.

А. *z*, в позиции после длинного гласного также \check{s} и *s* репрезентируют одиночную фонему /*s*/, а \check{s} , \bar{s} и в позиции после короткого гласного и \check{s} — сочетание /*ss*/. При этом решении в позиции после дифтонга, а у некоторых говорящих даже после длинной гласной имеет место чередование /*ss*/ и /*s*/, ср. *teùsta* = /*t`õussta*/ 'подниматься, вставать (инф.)': *teùzma* = /*t`õusma*/ 'подниматься, вставать (супин)', *teùzen* = = /*t`õusen*/ 'поднимаюсь, встаю'. Это решение применил Хинт (Hint 1965, 1966), стремясь к полной симметрии всех интенсивных согласных (ср. 2.3.1.1 А и 2.3.3) и асимметрии их в сравнении с гласными, см. Hint 1965 : 136.

Б. Любые начальные свистящие компоненты репрезентируют одиночные фонемы, причем *z* или *s* в позиции между длинным гласным или дифтонгом и смычным считается обусловленным морфологической юнктурой /-/, напр. /*r`õs-ki*/. Это решение применили Хармс (Harms 1960), Вийтсо (Viitso 1962, 1963), Халлап (Hallap 1963), Таули (Tauli 1966), причем Хармс и Таули не приводят примеров с суффиксом *ki*, а Халлап вместо юнктуры применяет «бродящий» акцент /' (Hallap 1963 : 122).

Фонологизация конечных свистящих не представляет трудностей. *z*, \check{s} и *s* в этой позиции репрезентируют /*s*/, а *ss* и \check{s} (в конце слова) — сочетание /*ss*/. \check{s} репрезентирует /*ss*/ и перед суффиксом *ki*.

2.3.2.2. При фонологизации свистящих в соответствии с интерпретацией в 2.1.2.2 *z*, \check{s} и *s* в позиции после длинного гласного, а также *z* и *s* в позиции после соноранта репрезентируют фонему /*z*/; *s* в позиции после короткого гласного и \check{s} , \bar{s} и *ss* репрезентируют фонему /*s*/.

2.3.3. Фонологизация сонорантных компонентов одинакова при обоих интерпретациях (2.1.2.1 и 2.1.2.2), сонорантные компоненты сочетаний согласных всегда репрезентируют одну фонему. Лишь в крайне редких образованиях интернациональных корней, таких как *mode·rn*/*ne* 'модный', встречается /*nn*/ после согласного. Следует заметить, что Хинт, руководствуясь ображениями, реферированными в 2.3.2.1 А, рассматривает полудолгие начальные сонорантные компоненты как репрезентирующие сочетание двух одинаковых фонем (Hint 1965, 1966 и также 1974 : 69).

2.4. Фонологизация некоторых усилений. Здесь рассматриваются три усиления смычных и сибилантов, формулировка которых прямо зависит от применяемой фонологизации.

2.4.1. Северноэстонское усиление в Q3 и Q4 слабых смычных в позиции между длинным монофтонгом, дифтонгом или сонорантом и обструментом, ср. *nèlsin* 'я проклинал', *nèlku* 'пусть проклиняет', *neùtsin* 'я требовал', *neùtku* 'пусть требует', *añtsin* 'я давал', *añtku* 'пусть дает', где $\check{t} < v$, представляет собой 1) при 2.3.2.1 А + 2.3.3 удвоение, ср. /*n`ètsin*/ → /*n`èttsin*/, /*añtsin*/ → /*añttsin*/; 2) по транскрипции Хинта, см. 2.3.1.1 А и 2.3.3, а) удвоение, ср. /*n`ètsin*/ → /*n`èttsin*/, б) замену сонорной фонемы смычной с целью удвоения смычных, ср. /*añtsin*/ → /*añttsin*/ (в собственной транскрипции Хинта место акцента /' в слове иное, но это не имеет здесь значения); 3) при 2.3.1.1 Б и В + 2.3.3 адаптацию к немаркированной структуре, ср. /*n`èt-sin*/ → /*n`ètsin*/, /*añt-sin*/ → /*añtsin*/; 4) при 2.3.1.2 + 2.3.3 ассимиляцию по силе, ср. /*n`èdsin*/ → /*n`ètsin*/, /*añdsin*/ → /*añtsin*/.

Два первых объяснения совершенно немотивированы, причем по транскрипции Хинта, требуются два самостоятельных правила для определения одного и того же явления. Немотивированность объяснения —

достаточный аргумент против соответствующих фонологических решений в этих северноэстонских диалектах. Последние два объяснения отличаются тем, что в третьем адаптацией является фонетическая ассимиляция, а в четвертом эта же ассимиляция принимается за фонологическую. Если учитывать, что при 2.3.1.1 В в результате адаптации получается чередование форм с морфологической юнктурой с формами без юнктуры, ср. $/n\text{'}\dot{e}t\text{-}ma/ : /n\text{'}\dot{e}tsin/$, причем юнктура и слоговая граница служат для создания одинаковых и в то же время редких сочетаний согласных, то и решение 2.3.1.1 В можно считать нереальным.

2.4.2. Северноэстонское усиление в Q3 и Q4 $z \sim s$ в позиции после *r*, ср. *varš* 'жеребенок; (реже) стебель', *peřssad* 'поросята', представляет собой 1) при транскрипции Хинта замену сонорной фонемы смычной, ср. $/v\text{'}arrs/ \rightarrow /v\text{'}arss/$; 2) при 2.3.2.1 А и Б + 2.3.3 удвоение, ср. $/v\text{'}ars/ \rightarrow /v\text{'}arss/$; 3) при 2.3.2.2 + 2.3.3 замену слабой свистящей сильной, ср. $/v\text{'}arz/ \rightarrow /v\text{'}ars/$.

При этом усилении сначала произошло притяжение номинативных форм к формам типа *varī* (< **varit* < **varit|ta*) 'стебель (п. ед.)', так как слов, оканчивающихся на *rs*, мало, потом обобщение сильных *š* и *ss* на остальные немногие случаи *rs* в Q3 и Q4. Здесь наиболее естественно третье объяснение. Второе предполагает усложнение фонологической структуры. Первое развитие имеет странную форму; в языкознании пока известны переходы $r \rightarrow s$ и $s \sim z \rightarrow r$ только в позиции после гласного.

2.4.3. Южноэстонское усиление конечных слабых обструентов в позиции после гласного в первом слове, ср. *puhtap* 'чище', *lālat* 'ты поешь', *taivaš* 'небо' представляет собой 1) при 2.1.2.1 удвоение, ср. $/l\text{'}\dot{a}lat/ \rightarrow /l\text{'}\dot{a}latt/$, $/t\text{'}aivas/ \rightarrow /t\text{'}aivass/$; 2) при 2.1.2.2 замену слабой обструентной фонемы сильной, ср. $/l\text{'}\dot{a}lad/ \rightarrow /l\text{'}\dot{a}lat/$, $/t\text{'}aivaz/ \rightarrow /t\text{'}aivas/$.

Так как удвоение ведет к усложнению фонологических структур, второе объяснение естественнее, тем более что оно не предполагает изменения структур. Кроме того, если бы удвоение даже состоялось, оно неизбежно приумножило бы причины для переосмысления языковых данных в духе интерпретации, представленной в 2.1.2.2.

2.4.4. На основе рассмотрения северно- и южноэстонских усилений представляется, что они скорее предполагают противопоставление слабых и сильных обструентных фонем, чем существование одного класса обструентных фонем. Хотя эти усиления охватывают не все северно- и южноэстонские диалекты, вероятно, интерпретация в 2.1.2.2 действительно для всех диалектов.

3. Обструенты в начале слова. Согласно интерпретации в 2.1.2.2, смычные и свистящие фонемы делятся на слабые и сильные, ср. также 2.4.4. Поэтому необходимо выяснить, к слабым или сильным относятся начальные смычные и свистящие.

Как известно, в абсолютном начале слова смычные и свистящие в эстонском языке по силе/слабости не противопоставляются. Если начальные смычные и свистящие произносились бы всегда одинаково как *p*, *t*, *k*, *s*, *š*, отнесение их к сильным или слабым было бы произвольно; это, между прочим, было бы аргументом против реальности интерпретации, представленной в 2.1.2.2. Тем более заслуживает внимания обстоятельство, что в начале первого подслова сложного слова *p*, *t*, *k*, *s* подвергаются либо фонетической геминации, либо ослаблению.

В качестве примеров геминации ср. *laiřpřaëv* 'суббота' (< *lai* '?' + *přaëv* 'день'), *sarařpř* ~ *sarařpřu* 'орешина' (< *sar* '?' + *př* 'дерево'), *eiņařpř* ~ *eiņařpřu* 'яблоня' (< *eiņa* 'яблоко (г. ед.)' + *př*),

alkkiri 'подпись' (< *aī* 'под' + *kiri* 'письмо'), *peälkkiri* 'заглавие; надпись' (< *peäl* 'над (адессив)' + *kiri*), *kellaššep* 'часовщик' (< *kella* 'часы (г. ед.)' + *šep* 'кузнец'), *sõšsār* 'остров в болоте' (< *sõ* 'болото' + *sār* 'остров'). Эти примеры не обязательно являются общими для всех, напр., в идиолекте автора генинированы лишь три примера.

В качестве примеров ослабления ср. *laiväèv* 'суббота', *vañtravü* 'клен' (< *vañtra* 'клен (г. ед.)' + *pü*), *ilugiri* 'чистописание; каллиграфия' (< *ilü* 'красота' + *kiri*), *püoirik* 'деревянная церковь' (< *pü* + *kirik* 'церковь'), *sõzār* 'остров в болоте'. В ряде диалектов *s* не ослабляется, так как там одиночный свистящий всегда *s*.

Условия и соотношение генинации и ослабления в эстонских сложных словах недостаточно изучены. Известно лишь, что имеются довольно большие локальные различия в генинации смычных в отдельных сложных словах. Все-таки можно утверждать, что генинация обычно встречается в устойчивых, лексикализованных сложных словах (если даже она в таких словах в некоторых идиолектах может быть описана с помощью фонологических правил). Ослаблению же подвергаются начальные смычные во всех остальных, в том числе и в случайных, сложных словах (в эстонском языке словосложение в значительной степени представляет собой грамматический процесс). Поэтому при фонологизации 2.1.2.2 все начальные смычные следует считать слабыми.

Сокращения

ад. — адитив («краткий» иллатив), **г.** — генитив, **ед.** — единственное число, **ил.** — иллатив, **ин.** — инессив, **мн.** — множественное число, **н.** — номинатив, **п.** — паритив.

ЛИТЕРАТУРА

- Поливанов Е. Д. 1928, Введение в языковедение для востоковедных вузов, Ленинград (ЦИК СССР. Ленинградский Восточный институт имени А. С. Енукидзе 31).
- Реммель М. Н. 1975, Моделирование системы фонем эстонского языка, Таллин (Автореферат канд. дисс.).
- Ariste, P. 1953, Eesti keele foneetika, Tallinn.
- Chomsky, N., Halle, M. 1968, The Sound Pattern of English, New York.
- Eek, A. 1977, Experiments on the Perception of Some Word Series in Estonian. — Estonian Papers in Phonetics, Tallinn, 7—33.
- Eek, A., Piirmets M., Ristmets, H. 1976, A Preliminary Electromyographic Study of Facial Muscles in Estonian Labial Consonant Production. — Estonian Papers in Phonetics, 7—24.
- Hallar, V. 1962, Mõtteid eesti keele vältete foneetika kohta. — ESA VIII, 238—250.
- 1963, Fonoloogiline etüüd eesti keele vältete alalt. — Nonaginta. Johannes Voldemar Veski 90. sünnipäevaks 27. juunil 1963, Tallinn (Emakeele Seltsi Toimetised 6), 95—122.
- Hammarberg, R. 1976, Speculations on the Estonian *e*-Diphthongs. — СФУ XII, 258—262.
- Harms, R. T. 1962, Estonian Grammar, Bloomington — The Hague (UAS 12).
- Hint, M. 1965, Murrakute foneetiliste ja fonoloogiliste süsteemide kirjeldamisest. — ESA 11, 113—156.
- 1966, On the Phonological Transcription of Overlength in Standard Estonian. — СФУ II, 23—36.
- 1974, Abriß der phonologischen Analyse des Estnischen auf Wortphonologischer Ebene. — Symposium Phonologische Analyse der uralischen Sprachen. Berlin, 17.—20. September 1974, Berlin 1975 (Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 22), 58—84.
- Kaplinski, J. 1968, Märkusid eesti keele foneemtranskriptsioonist. — ESA 13, 37—45.

- Lehiste, I. 1967, Diphthongs versus Vowel Sequences in Estonian. — Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences. Held at Prague 7—13 September 1967, Prague 1970, 539—544.
- Lehiste, I., Morton, K., Tatham, M. A. A. 1973, An Instrumental Study of Consonant Gemination. — *Journal of Phonetics* 1, 131—148.
- Lippus, U., Rimmel, M. 1976, Some Contributions to the Study of Estonian Word Intonation. — *Estonian Papers in Phonetics*, Tallinn, 37—65.
- McCawley, J. 1966, Further Revisions of Finnish Rules, Chicago (Dept. of Linguistics, University of Chicago) (MS).
- Oksaar, E. 1970, Zum Erwerb des estnischen Phonemsystems in estnisch- und schwedischsprachiger Umgebung. — VIIe Congrès international des sciences phonétiques. Programme. Résumés, Montréal, 14.
- Rimmel, M. 1975, The Phonetic Scope of Estonian: Some Specifications, Tallinn (Academy of Sciences of the Estonian S.S.R. Institute of Language and Literature. Preprint KKI-5).
- Tauli, V. 1966, On Quantity and Stress in Estonian. — *Acta Linguistica Hafniensia* IX, 145—162.
- 1973, Quantity and Accent in Estonian. — *Commentationes Fennougricae in honorem Erkki Itkonen*, Helsinki (MSFOu 150), 390—403.
- Viitso, T.-R. 1962, Tüvelisest astmevaheldusest (eriti eesti keeles). — *ESA* VIII, 44—62.
- 1963, Üks lingvistiline ahelprobleem. — *Nonaginta. Johannes Voldemar Veski 90. sünnipäevaks 27. juunil 1963*, Tallinn (Emakeele Seltsi Toimetised 6), 276—283.
- 1976, Eesti muutkondade süsteemist. — *KK* XIX, 148—162.
- 1978, The History of Finnic *õ* in the First Syllable. — *СФУ* XIV, 86—106.
- Wiedemann, F. J. 1875, Grammatik der estnischen Sprache, zunächst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte, St.-Petersbourg.

TIIT-REIN VIITSO (Tallinn)

PROBLEMS OF QUANTITY IN ESTONIAN

The latest instrumental investigations have given evidence that one part of Estonian speakers have in addition to the well-known three distinctive quantities (Q1—Q3) a fourth one (Q4) whose mean duration is the greatest and whose pitch fall for long monophthongs and diphthongs has an additional peak. As Q1 and Q2 never occur in monosyllables and as Q1, contrary to Q2—Q4, refers to short stressed syllables, Q1 and Q2 can be united. Then Q1/Q2, Q3 and Q4 can be rendered by means of three accents /[˘]˘˘/. As Estonian has single and geminate consonants intervocally and short and long consonants word-finally there are, in principle, two possible phonologizations of consonants. First, proceeding from the intervocalic consonants one can establish the contrast of single phonemes and geminates both word-internally and word-finally and have a single stop and sibilant series. Second, proceeding from the word-final consonants one can establish two stop and sibilant series and have geminates only after short stressed monophthongs and occasionally on morpheme boundaries. The first phonologization is historically the primary and enables several possibilities of solving the consonant clusters, still none of them permits a satisfactory formulation of different obstruent strengthenings in various dialects. Hence the second phonologization is the most preferable. The investigation of the initial obstruent gemination and lenition in nonfirst subwords of compounds reveals that the initial obstruents in Estonian represent lax obstruent phonemes.